

Неожиданно старейшина Юй, увидев молодого мечника, произнёс:

— Я виноват перед тобой. Я хотел съездить в город Сюаньу и забрать останки твоего учителя, но теперь сам оказался в трудном положении и вряд ли смогу это сделать.

Молодой мечник удивился, но рассмеялся:

— Разве важно, где лежат кости? Жизнь везде может быть прекрасна. Учитель был бы рад, что у него есть такой друг, как вы. В конце концов, живые важнее, старейшина, не беспокойтесь.

Погодите. Се Жунцзяо крепче сжал рукоять Чжэньцзяншань. Всего месяц назад они видели кузнеца в городке Фулай, живым и здоровым. Как он мог умереть в городе Сюаньу?

Что за тайна скрывается в этом городе, где подозревают связь с Се Хуа, что даже мастер этапа большой колесницы нашёл там свою смерть?

Он слегка поднял взгляд и случайно заметил тень сомнения в глазах Цзян Цзинсина.

Мечник звался Ли Чжисюань и был единственным учеником, которого кузнец взял под своё крыло по воле случая.

Кузнец был давним другом старейшины Юй из Секты Закона. Перед Северной охотой он навестил старейшину, сообщив, что отправляется в город Сюаньу, где его ждёт опасность, и передал ему свою лампу жизненной силы, попросив позаботиться о Ли Чжисюане, если с ним что-то случится.

Старейшина Юй не ожидал, что этот юнец действительно отправится в Северную Пустошь, и, разозлившись, начал его отчитывать, как своего ученика. Ли Чжисюань слушал, опустив голову, а затем тихо сказал:

— Учитель говорил, что молодёжь должна быть смелой, путешествовать и познавать мир. Я подумал, что Северная охота — это хорошая возможность для тренировок, но, видимо, заставил вас волноваться.

Старейшина Юй рассмеялся:

— Твой учитель хотел, чтобы ты путешествовал и познавал мир, пока жив, а не выбирался из ворот ада, чтобы посмотреть на пейзажи.

Се Жунцзяо получил новое представление о стиле Секты Закона, который Пэй Мин описал как «следование естественности и спокойствие».

Одновременно он почувствовал лёгкую растерянность.

Среди трёх сект Южного региона действительно ли есть хоть одна надёжная?

Видимо, каждый старший становится таким язвительным и саркастичным, потому что его доводят до этого младшие, готовые продырявить небо.

— Город Сюаньу? — Цзян Цзинсин небрежно постукивал по ножнам меча, а затем произнёс:

— Это место вызывает у меня странное чувство.

В тысячах ли отсюда.

Толстый слой жёлтой земли не смог остановить лезвие Се Жунхуа, а стал точильным камнем, делая её удар всё быстрее и острее.

Жёлтая земля была рассечена её мечом, успокоилась и осела, образовав холм.

Свет меча всё ещё сиял, как и прежде.

Се Жунхуа отступила множество раз, и теперь пришло время сделать шаг вперёд.

Поэтому она нанесла удар.

Отступая до предела, когда отступить больше нельзя, наступает время атаки.

Один удар превратился в тысячи, как тысяча воинов, несущихся вперёд, как рёв десяти тысяч лошадей, направленный прямо на тебя, и ты едва успеваешь подумать, как противостоять этому, как уже чувствуешь, как твоя макушка горит от этого грохота.

У Се Жунхуа был один меч и целая армия.

Её меч содержал мощь тысячи воинов и бесчисленных копий.

Но в конце концов, у неё был только один меч.

Тысячи воинов и бесчисленные копья слились в одну энергию, поглощающую горы и реки, как дракон.

Серебряный дракон на копье издал испуганный стон.

Трое, увидев, что ситуация ухудшается, повернулись, чтобы отступить и спасти свои жизни.

Какие там споры о чести — они были бы счастливы просто выжить после этого удара.

— Жаль, что один сбежал, — Се Жунхуа взобралась на лошадь, но не торопила её, спокойно произнеся:

— Город Сюаньфу? Что в нём такого странного?

Один из мастеров этапа большой колесницы, погибший от её меча, даже в смерти не смог смириться и язвительно прошептал:

— Когда дело в городе Сюаньфу завершится, Се Гуйюань, твоя удача закончится.

— К счастью, ты умер раньше, чем увидел, как твои планы в городе Сюаньфу разбиваются о мой меч, — Се Жунхуа усмехнулась, сидя на лошади. — Я дошла до сегодняшнего дня не благодаря какой-то эфемерной удаче.

— Город Сюаньфу? Это место интересное, — Лу Биньвэй, которого Цзян Цзинсин чуть не заставил наставить меч на его шею, чтобы тот сделал предсказание, небрежно взглянул на гексаграмму. — Тридцать третья гексаграмма «Бегство». Мудрый человек сохраняет себя, но это больше похоже на предупреждение для тебя, чем на описание города Сюаньфу.

Цзян Цзинсин задумался:

— Лу Юю, насколько ты уверен в этом?

— Я могу попробовать предсказать для кого угодно, даже для тебя, Цзян Цзинсина, — ответил Лу Биньвэй, сначала инстинктивно возразив, а затем, увидев выражение Цзян Цзинсина, серьёзно добавил:

— Но есть два человека, для которых я не стану гадать — это Чу И и Буцзы. Для остальных я могу попробовать.

Это означало, что он был уверен в своём предсказании.

Цзян Цзинсин, словно сняв с себя груз, принял решение:

— Ладно.

— После того как мы доставим людей из трёх сект в лагерь Армии Гуйюань, Ацзы, ты пойдёшь со мной в город Сюаньфу.

Лу Биньвэй доброжелательно напомнил:

— Мудрый человек сохраняет себя. Если ты будешь действовать опрометчиво, это может привести к беде.

Цзян Цзинсин загадочно произнёс:

— В этом деле мудрый человек не тот, кто сохраняет себя.

Лу Биньвэй замолчал.

Хотя Се Жунцзяо не понимал, о чём они говорили, он чувствовал, что дело серьёзное:

— Учитель, моё присутствие не будет помехой?

— Хочешь идти — иди, — Цзян Цзинсин, хорошо зная его упрямство, рассмеялся, и тень серьёзности исчезла с его лица. — Ацзы, если ты не веришь своему мечу, то хотя бы поверь мне.

Се Жунцзяо не стал его подкалывать, а лишь улыбнулся, его улыбка была яркой, и он серьёзно сказал:

— Учитель, я верю и тебе, и Чжэньцзяншань.

Поэтому он обязательно пойдёт в город Сюаньфу.

Ли Чжисюань, услышав, как они быстро всё решили, робко сказал:

— Учитель оставил мне подробную карту города Сюаньфу. Город Сюаньфу — это всего лишь город, зачем ему карта? Я подумал, что, возможно, он оставил на ней что-то важное, и всегда ношу её с собой. Если вы собираетесь туда, возьмите меня с собой.

Цзян Цзинсин внимательно посмотрел на него:

— У меня есть предчувствие, что твой учитель глубоко вовлечён в дела города Сюаньфу. Ты его единственный ученик, и, вероятно, он оставил там что-то для тебя, чтобы ты забрал это, когда достигнешь определённого уровня. Если хочешь идти, я позабочусь, чтобы ты вернулся целым и невредимым.

Настоящий смельчак готов рискнуть.

Ли Чжисюань, который в одиночку отправился в Северную Пустошь, конечно же, сразу согласился, словно тот, кто полчаса назад слушал наставления старейшины Юй, был совсем другим человеком.

Его решимость заставила старейшину Юй вздохнуть.

Этого парня уже не спасти.

Как он дожил до сегодняшнего дня?

В трёх сектах — Академии Буцзэ и Секте Закона — были потери среди учеников. Убивать врагов важно, но отдых тоже необходим, и лагерь Армии Гуйюань был самым безопасным местом в Северной Пустоши, куда все с радостью отправились.

Фан Линьхэ из Врат Меча тоже без колебаний согласился.

На самом деле, к этому времени маска Цзян Цзинсина уже почти спала, но Фан Линьхэ никогда не задавал лишних вопросов и не думал об этом.

Если глава секты доверил ему группу для Северной охоты, значит, он не замышляет ничего плохого против Врат Меча.

Зачем думать об этом? Какая в этом польза?

Если бы остальные ученики узнали, что их старший брат так доверяет главе секты, они бы почувствовали, что их безопасность под угрозой, и собрались бы, чтобы поплакать вместе.

— О! Вы спрашиваете о городе Сюань? Вы попали по адресу, — слуга в гостинице подмигнул. — Номинально город Сюань находится под властью Северной Чжоу, но он расположен далеко, и с Чжоу у него мало связей. Если спросить жителей Чжоу, большинство ничего не знает. Но он граничит с Восточной Пустошью, и торговцы приносят сюда новости.

Открыть гостиницу в Северной Пустоши, где повсюду подстерегает опасность, — это признак огромной силы, стоящей за ней. Когда трое вошли внутрь, они почувствовали присутствие мастера этапа большой колесницы, предупреждающего всех, чтобы они не строили козни.

Однако условия всё же были ограничены. Пустыня была бедной, и гостиница представляла собой грубую глиняную хижину с узкими комнатами, куда не проникал солнечный свет, а свет внутри был тусклым, и даже лицо слуги казалось покрытым жиром от нечищеного стола.

Слуга вдруг замолчал.

Неизвестно, было ли это влияние Цзян Цзинсина, но Се Жунцзяо, никогда не разбиравшийся в человеческих отношениях, понял намёк и достал жемчужину, холодно сказав:

— Продолжай.

[Примечания отсутствуют]